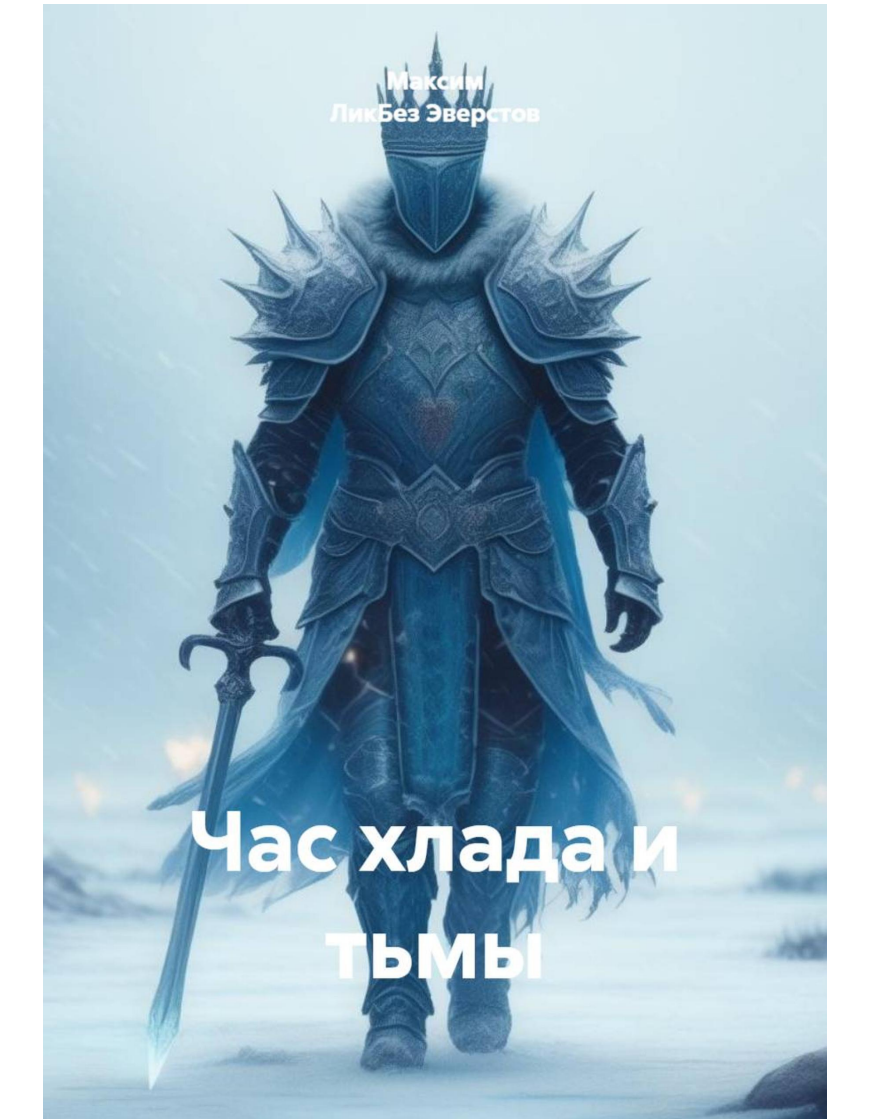

Максим
ЛикБез Эверстов

Час хлада и
ТЬМЫ

Максим Эверстов

Час хлада и тьмы

<https://litres.ru/73135098>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приближается хлад. Хлад и тьма.

Между Синим Королевством и Железной Империей на востоке континента Мийрт установился шаткий мир, в приграничье прекратились ожесточенные бои за каждую версту. Земля отравлена металлом, выжжена огнем и магией. Опустошенные и дорого купившие мир люди и горлики вернулись в свои дома и семьи. Пятипрестолье, Таари, Осколки и Проград открыли торговые пути и вернули своих послов в два самых крупных государства.

В это время группа героев волей судьбы отправляется в путешествие по Синему Королевству и узнаёт о новой жуткой угрозе, идущей с Севера и сулящей новую войну и бесконечную зиму. Кроме того, ходят толки о некоей голодной сущности с руин Древнего Города, которая многие сотни лет ждала своего часа и вернулась, чтобы сеять тьму и смерть.

Пророки, безумцы, ведьмы и оракулы предсказывают: настало время перемен, час хлада и тьмы.

Том 1.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим ЛикБез Эверстов

Час хлада и тьмы

Глава 1

Я окунул перо Запретной птицы Островов в густую кровь демона-ловца и принялся выводить на коже Древнего Змея: «Нюргун наконец оторвал взгляд от уютного огня в камельке». Записи эти, не без гордости думаю я, когда-нибудь смогут стать частью хроники Мийрта или украсить архив любого короля. Но мне предстоит большая работа и спешить не хочется.

В ночном небе разливается неестественно-яркое, переливающееся золотом пламя Горнила: новый бог входит во Врата, силой или хитростью заслужив себе место среди бессмертных. Признаться, меня это не очень волнует, я по своей сути не больно религиозен. Станет в мире на несколько храмов и пару тысяч коленопреклонных людей больше. Придумают новые праздники.

Но хорошо все-таки, что не нужно зажигать лампу или призывать духа огня. При янтарном свете в облаках писать мне значительно легче, а то глаза, признаться, уже не те, что прежде, во времена Вечного короля. «Нюргун наконец оторвал взгляд от уютного огня в камельке, неспешно натянул

шерстяные торбаса и вышел из балагана, мягко прикрыв за собой обитую кожей дверь».

Перо временно отправилось в чернильницу, а я потянулся к меху со слезами юных ведьм Березовой Рощи, который не далее как вчера обменял у болтуна Шестирука на ненужный мне обломок рога красной виверны. Торопиться некуда. Я пробежал глазами по серому бесформенному полотну, тянущемуся на многие десятки метров. Кожи Архаичного Змея хватит на две, а то и три истории, благо здесь, в конечной западной точке Проклятых песков Пятипрестолья, других охотников до этого чудесного материала не было. Многие думают, что Архаичные Змеи вымерли, но я-то знаю правду. Пришлось почти неделю выслеживать этого старого Змея, когда стало понятно, что скоро он сбросит кожу. Так и вышло.

Я сделал глоток, ощущая, как сладко-соленая жидкость тоскливо щемит сердце, словно правдивая история утопленницы, и в то же время нежно ласкает душу, точно рука первой любовницы. Перед глазами пронеслись картины чужих жизней, обрывки воспоминаний, яркие лоскуты грёз.

Но все-таки пора работать. Перо взмыло в воздух и опустилось на мою ладонь.

Айгулан, неофит Ордена Равновесия Аяксина, с усилием подавил зевок, и осторожно покосился на мастера. Лысый и высокий, как статуя, мастер Геот двигался от одного костра

к другому, вкрадчиво задавая вопросы и склоняясь над досками неофитов, на которых кружились волчки, возводились башни из гальки, раскладывались гадальные карты или прыгали игральные кости. На спине мастера серебрился символ бога – большая дверь без ручки.

– Не спать! – жестко сказал Лефан, старший неофит и помощник Геота по часовне. – Всем гадать! Солнце еще не поднялось.

Кто-то принялся роптать, и Лефан коротко огрел его палкой по спине. Несколько неофитов недовольно переглянулись. Скоро многие из них станут полноправными служителями в Ордене Аяксина, и тогда Лефан получит сполна. Если только к этому времени не поднимется еще выше по иерархической лестнице...

Айгулан усиленно заморгал, прогоняя навязчивый сон, и быстро бросил монеты на доску – «лик», «корона», «лик» – и уставился в огонь. Красное, оранжевое, белое. Тихий треск. И никаких видений, никаких образов. Сколько бы Айгулан ни напрягал зрение и слух, ничего нового ученик не уловил за все время испытания. Костер горел прямо поверх каменного пола, Геот следил за этим, время от времени бормоча заклинание, чтобы сотворить маленькое чудо. Монеты неофита вновь покатались по доске. «Корона», «корона», «лик».

Айгулан встряхнул головой, убаюканный монотонностью процесса испытания. Все-таки два дня без сна и почти без

движенья даются сложнее, чем кажется. Хотя всем неофитам перед испытанием давали крепкий настой из лимонника, мёда и зеленого чая, спать хотелось нещадно. Всё тело затекло, мысли стали словно камни на склоне холма, ведущего к часовне.

– И всё равно это последнее испытание пустая формальность, – прошептал сосед Айгулана справа, рябой Фарих, попавший в неофиты из приюта. – В лучшем случае кто-то вообразит, что что-то увидел, его похвалят. Не поверят, впрочем, но похвалят. Традиция, что уж... Проклятье, ноги совсем отнялись. – Он кашлянул. – Да простит меня Аяксин Милостивый за сквернословие.

– Увы, посвящение закончится только с рассветом, как того требует обычай, – ответил Айгулан сочувственно, но едва слышно. Разговаривать запрещалось, но это помогало не спать. – Продержаться бы еще пару часов, Фарих.

– Ей-ей.

Он никогда бы не подумал, что будет так скучать по своей узкой жесткой койке в общей спальне. Юноша помассировал словно бы онемевшее лицо. Зевнул так, что затрещало за ушами. Вот бы прикрыть глаза. Хоть бы на мгновение, на десять ударов сердца просто смежить воспаленные веки, чтобы немного отдохнуть...

Мягкая темнота обняла его. Тело перестало тяготить его, мысли растаяли... Айгулан, опомнившись, сильно встряхнул головой, аж в шее стрельнуло, затем машинально сгреб и

подбросил свои монеты на доску. Украдкой оглянулся. Геот неподвижно замер у дальней стены часовни, поближе к черно-белому алтарю, а Лефан стоял спиной. Повезло, что никто не увидел, как Айгулан задремал.

Неофит уловил краем глаза странную картину на своей доске. И обмер, чувствуя, как мурашки ползут по спине... Все три монеты застыли на ребре. Причем в жуткой, невозможной форме: золотая румо, поверх нее серебрится сильда, еще выше тусклая тонкая купа.

– Мастер... – начал было Айгулан, резко оборачиваясь, но слова тут же комом застряли в горле.

Все неофиты были неподвижны, словно изваяния. Мастера и старшие ученики тоже. Кто-то завис во время движения. Одна гадальная карта Фариха зависла в воздухе, не касаясь других на доске. Айгулан словно оказался в часовне, полной деревянных манекенов из Дома Кулака, где прошло предыдущее испытание. Двигался только огонь, десятки костров, чей дым уходил далеко вверх, в Глаз на крыше. «Огонь за пределами нашего представления о жизни, горит он даже во сне. Его не может остановить даже бог. Аяксин чтит огонь, но не называет его другом, ведь огонь принадлежал Танатосу и был украден Хозяином», – вспомнились слова Геота.

Айгулан осторожно повернулся к своему костру, прищелкнул и вздрогнул.

– Видение... – шепотом обронил он, и сердце его волнительно забилося.

Огонь заметался сильнее, яростнее. Между всполохами двигались люди. Нет, не так. Колонны, полки, армии. Айгулан не разбирался в войне, но видел пики, мечи, луки и щиты. В шуршании огня слышны были гулкие шаги тысяч людей. Приказы и стоны боли. «В первом видении война», – жестко отметил неофит в памяти, как его учили... Пламя дрогнуло, и образ сменился. Из глубин костра вырвалась крупная острая снежинка, чьи края влажно сверкали от крови. Снежинка была одновременно и белой короной, к которой из костра тянулись руки. Такая двойственность обычное дело для сна, напомнил себе неофит, смаргивая и стараясь контролировать свой разум. Вдали протяжно и жалобно завывали волки. «Север, корона», – проговорил про себя Айгулан, когда жадный огонь поглотил снежинку.

Наконец костер вспыхнул выше и жарче прежнего, и неофит прищурился, хотя волшебное пламя не могло навредить ему. Айгулан сконцентрировался и разглядел в глубине, в чернильной черноте одинокую ломкую фигуру. Стройную и тонкую, словно подросток. Та поднималась по невидимой лестнице, цепляясь за голые стены. Белое, как мел, лицо, на котором застыло страдание, заострило черты. Вдруг страдание сменилось ликованием. Айгулан поймал себя на мысли, что это видение чем-то отличается от предыдущих. Пока он пытался понять, чем именно, фигура замерла на полушаге и принялась озираться. Вдруг она оглянулась на юношу, от чего у того моментально по телу побежали мурашки. «Не мо-

жет быть!». Видения не создают «мосты» между зрителем и картиной, они никогда не открывают облик гадающего.

– ЗДРАВСТВУЙ, ЛЮБИТЕЛЬ ПОДГЛЯДЫВАТЬ. ТЫ ЖРЕЦ? ОТКУДА ТЫ СМОТРИШЬ?.. ВЕРА, ГАДАНИЕ. ЧУЮ ВОКРУГ ТЕБЯ МНОГО КРОВИ СТАРОГО ПАТРИКА.

Кровь застыла в жилах Айгулана от этого голоса, между тем визави продолжил:

– НО САМ ТЫ С ХЛАДНЫХ КРАЕВ, ГОЛОЙ ЗЕМЛИ ДИКРЕЙ И ВОЛКОВ... КАКОМУ БОГУ ТЫ СЛУЖИШЬ, МАЛЬЧИК?! – оглушительно раздалось в голове неопита, и он вскочил, отдалясь от образа жуткого человека, который словно бы приблизился к огню.

– Аяксину, Великому Уравнителю! Защити меня, Бог Дверей и Справедливости!

Двери часовни шумно распахнулись. Из неоткуда налетел холодный ветер. Костер жадно вспыхнул и взлетел до потолка, разрывая связь с фигурой. Айгулан зажмурился и отшатнулся, чуя жар на лице. Ему показалось, что напоследок тот, кто стоял по другую сторону огня, коротко рассмеялся, словно само имя Бога Дверей его развеселило.

Бормотание и звук приближающихся шагов вывели неопита из оцепенения. Кто-то коснулся его локтя. Айгулан осторожно открыл глаза и покрутил головой. Время вернулось в норму. Люди двигались, храм полнился жизнью. Неопиты с тревогой смотрели на него. Монеты на доске лежали

как обычно, без аномалий. "Лик", "лик", "корона".

– Что ты видел, Айгулан? – строго спросил матер Геот, положив руку ему на плечо.

– Да он просто задремал, – небрежно бросил высокомерный Лефан, стоящий неподалеку. – Не выдержал испытания, ясно же, мастер Геот. Ленивый северянин...

Но учитель метнул на него красноречивый взгляд, и тот сразу замолк.

– Монеты... монеты встали друг на друга. Румо, сильда, купа, – начал Айгулан неуверенно, и Геот ободряюще кивнул. Ученик прикрыл глаза, вспоминая. Его голос стал тверже. – Учитель... мне было три видения. Три разных символа. Я постарался всё запомнить, как вы учили... И огонь защитил меня от сущности из теней в конце. Там был... кто-то.

Ропот в часовне стал громче. Испытание порой награждало ученика одним видением. Редки были случаи двух за раз. Но про три видения Айгулан даже не слышал, хотя такие наверняка были.

– Говори, не медли, Айгулан. Пока память твоя еще крепка.

– Первое. Война, – сухими губами пробормотал ученик, зажмурившись. – Две воюющие армии, я не смог различить стягов, но обмундирование было разное... Второе видение – это Север. Там была кровь и корона. Снег... Снежная корона. Выли волки. А третье такое: кто-то поднимался по лестнице. Чёрный, как тень, но с белой кожей. Из какого-то под-

земелья. Он был один... Поднимался очень долго. Сплошные уверенность и злость... мне до сих пор жутко. И он видел меня, учитель! Видел!

Геот побледнел, а Лефан отшатнулся в ужасе.

– Невозможно, – раздался мягкий голос Фариха справа. – Такого просто не может быть...

– Никто не может смотреть сквозь священный огонь Аяк-сина, – со страхом и недоверием в голосе отрезал Лефан. – Ты перепутал, Айгулан. Скажи честно, мастер не накажет тебя.

– Ошибаешься-ошибаешься, Лефан, – поправил седой мастер Олинс, другой учитель в храме. Старик поправил круглые очки на горбатом носу и продолжил. – Порой случается, что особенно сильный-сильный дух, демон и даже настоящий ифаат может почувствовать, что за ним наблюдают. Он разговаривал с тобой, юноша?

– Он... он спросил меня, какому богу я служу. – Айгулан нахмурился. – А еще сказал, что чует кровь Патрика. «Старый Патрик» – сказал он. Речь ведь о Патрике Синем, Первом правителе и основателе нашего королевства?

Мастер Геот не ответил, лишь переглянулся с Олинсом, который медленно, словно нехотя два раза кивнул, и затем стремительно направился к выходу из часовни.

– Мастер Олинс, мастер Кагрових, прошу завершить испытание без меня. Айгулана отпустите, он прошел испытание. Пусть его проводят в Зал Слуха через час. Я иду к ма-

гистру.

Айгулан обессиленно опустил на пол перед своей доской и взял монеты в руку. Он боялся смотреть в огонь, памятуя о человеке на лестнице. Тяжелые бронзовые двери храма гулко закрылись за Геотом, и ученик вздрогнул.

Нюргун наконец оторвал взгляд от уютного огня в камельке, неспешно натянул шерстяные торбаса и вышел из балагана, мягко прикрыв за собой дверь, чтобы не потревожить чуткий сон матери. Снег ослепительно горел под лучами утреннего солнца, белое сияющее одеяло раскинулось сколько хватало глаз. Вдали, за бесконечными изгибами леса, он мягко перетекал в небо.

Колючий, голодный холод привычно обжег лицо, и мысли мужчины мгновенно прояснились. Он медленно вдохнул и выдохнул бодрящий ледяной воздух, обжигающий ноздри. Мысли запорхали, точно испуганные утки. В последнее время Нюргун много думал о разном. Иногда вслух.

– Видимо, старею, да, – пробормотал он и пошел прочь от балагана. – Дед так говорил: «Коли начнешь много думать без дела и толка, то близится твоя последняя зима». Да, и не ему, Нюргуну, сыну Эрчимэна Быстроногого, спорить с промыслом богов. Высокий Тойон Одна-Нога-На-Земле-Другая-На-Небе решит, когда его век подойдет к концу. Никто вечно не живет в Среднем мире.

Он махнул рукой своему двоюродному брату Айсену, сто-

ящему неподалеку от стада, и тот весело махнул в ответ.

– Ыччу, дубак! Снега за ночь еще намело, убай, – еще издалека сказал Айсен. – Ненормально это, ненормально. Шестой месяц только идет.

– По-нашему шестой, да. По календарю «синих» десятый.

– Всё равно, – покачал головой Айсен и оперся на старый пастуший посох, напоминавший уже скорее камень, чем дерево. – Слишком холодно для такого времени, ночью то и дело подмораживает. Странно.

Нюргун кивнул. Да, странно.

– У Айтала ночью три лошади пропало.

– Тууй! – поразился Нюргун, аж подпрыгнув на месте. – Что случилось?! Волки так близко? А у нас? – Он помрачнел. – Что же ты меня не разбудил?

Айсен, прищурившись, медленно обвел взглядом стадо.

– Ни одна не пропала, убай, – наконец выдал он. – Сыновья дважды пересчитали. Глупый жадный Айтал просто ближе к лесу держал стадо, ты же знаешь.

– Всё равно, всё равно... Уже третий случай в деревне, да. В этот сезон всё больше волков идёт.

Айсен посмотрел на него, выпятив толстую нижнюю губу.

– Не думаю, что это волки.

– Тьфу, опять ты про эти сказки, что все молодые заладили... – проворчал брат и покачал головой.

– Думай как хочешь, убай, но с севера что-то идёт. Погода быстро меняется, ветер стал совсем злой... Еще большие

группы боевых варваров с Белых гор и Ледяного ущелья были замечены в долине. А два дня назад помнишь? Ночью.

Нюргун нахмурился, но все-таки кивнул. Да, он помнил. Хлопанье огромных крыльев где-то в вышине. Что-то невообразимо большое неспешно пролетело над их деревней. Но ни одна птица не может наделать такого шума, даже взрослая северная сова, способная унести трехлетнего ребенка в своих когтях.

– Шаман сейчас камлает.

Липкий пот мгновенно выступил на спине Нюргуна.

– Как? – хрипло спросил он. – Что ты сразу-то не сказал? А как старейшины?

– Они дали добро с рассветом. В их больших стадах тоже пропажи. А на границе с лесом охотники видели странные следы. Сапоги и лапы. – Он сглотнул, тревожно заозирался. – Рядом. Сапоги и лапы, убай. И холодом от леса тянет – настоящей стужей с Крайнего Севера...

Мужчины замолчали, словно силясь услышать резкие удары в бубен или надрывные крики-стоны-хрипы вошедшего в транс шамана из отдельно стоящей высокой юрты, окрашенной в сакральные цвета племени. Но отсюда, конечно, их было не уловить.

– Ты сейчас за почтой, убай? Пора ехать в Куорат?

– Да. Солнце вон какое, самая пора. Пока матушка еще крепко спит, поеду. Может, сахару в Куорате возьму немного, она любит сахар, да.

Айсен молча кивнул.

– Брат, ждешь письма от кого-то? – поинтересовался Нюргун спустя мгновение.

– Какой там... Моя-то старшая – Айталинка-куо – в Круг же устроилась. Работает на постоянном дворе у хорошего толстого человека, ей зачем мне писать. Раз в полгода приезжает с мужем – и то польза. – Он шмыгнул красным от холода носом. – А твой Айгулан в большом городе на юге, в Арканате. Как он там, убай?

– Вот сейчас за почтой поеду и узнаю как раз. Надеюсь, работу хорошую нашел, да. Уж давно нет вестей от...

Они замолчали, когда заметили, что к ним стремительным шагом, пружинистой походкой приближается Сахая, молодая ученица шамана. Нюргун на миг залюбовался ее ладной фигуркой, которая угадывалась даже под оленьей шубой. Все-таки видно, что она дитя «гостевой ночи», лишь наполовину лунолика, целованная снегом ахаска, на другую же половину «синяя». Вон и светлая прядь волос выбивается из-под меховой джабаки.

– Доброго вам солнца, Нюргун, Айсен.

– Доброго солнца и тебе, – ответили мужчины.

– Нюргун, ты сегодня за почтой? – спросила она, щурясь из-за снега.

– Сегодня, когда ещё, – ответил Нюргун.

Она бросила на него тяжелый взгляд. Нюргун спустя мгновение отвел глаза: никак не мог привыкнуть, что один

глаз у нее всегда закрыт, еще с рождения. Говаривали, что светлые духи дали ей способность видеть в обоих мирах – людском, и мире духов. Говаривали также, что это могли сделать и не духи, а демоны из Нижнего мира.

– Эту бумагу отдай тойону в Куорате. – Она протянула ему сложенный в несколько раз грубый лист желтой бумаги. Да не заглядывай туда, Нюргун! Это от старейшин, их ума дело. Не открывай.

Нюргун вовремя сжал зубы, чтобы не ответить ей грубо, и кивнул, а молодой Айсен не сдержался:

– Ты пока что никто для нас, женщина. Не шаманка и не удаганка, знай свое место, пришлая. И твои слова для нас – что ветер для скалы и холод для звёзд.

Она злобно фыркнула и повернулась к ним спиной, не удостоив ответом.

– Младший брат, послушай, – начал Нюргун. – Старейшинам всё равно, что она не чистых кровей ахасов – у нее большой дар, так говорят женщины, особенно роженицы... Наш шаман стар. Да дадут ему духи долгих зим и сытых вечеров. Но в ближайшие несколько зим он уйдет в мир иной. Сахая займет его место... И тогда она вспомнит своих обидчиков, – негромко сказал Нюргун, когда девушка была достаточно далеко. – Постарайся держать язык в узде при ней.

Сородич принялся обдумывать эту новую, неприятную для него мысль.

Он брел под звездами, в свете ущербной луны, не разбирая дороги и обхватив себя руками. Не от холода – от отчаяния и горького чувства одиночества. Продуваемый всеми ветрами долины. По колено проваливаясь в снег. Без кухлянки, шапки и торбасов. Холод кусал и резал его нещадно, но, как ни старался, не мог отнять жизнь. Волки и хищники пострашнее несколько раз подбирались очень близко к нему под покровом темноты, но странным образом обходили одинокого путника. То ли его странный запах их отпугивал, то ли чутье подсказывало, что лучше не связываться.

Он смотрел только под ноги, моргая, чтобы согнать с ресниц прилипший снег. Мысли медленно и тяжело двигались в сознании, словно глыбы льда в море. Изгнание. Вот чем всё закончилось. Его изгнали из родного племени, в котором он встретил семнадцать зим. Выставили без теплой одежды и еды, не дав даже ножа. «Чудовище, – выпалили они, глядя на него с ужасом и страхом. – Ты не человек, а урод. Мы всегда знали это! Ты отродье ледяной бездны, сын подземного мира, не место тебе возле людей. Уходи!».

Не то чтобы он и раньше бы в почете у соплеменников, но после произошедшего обратной дороги не было. Одиночество. Еще с детства многие знали о его жутком даре. «Хладный дар» – так называла его согбенная годами удаганка, впервые поняв природу его силы. «Дар тёмной крови Севера, очень старой крови, нечеловеческой». Если другие нуждались в тепле и огне, то ему мороз всегда был нипо-

чем. Некоторые завидовали, особенно охотники, уходящие в дальние рейды и мерзнувшие во время преследования зверя. И, конечно, все в племени страшилось, что рано или поздно он использует дар против них, проведет черту между миром людей и миром Севера.

Но ведь он не вредил никому. До предыдущей ночи... Перед глазами возникла луноликая девушка с озорными глазами и хитрой улыбкой. Не хотелось поднимать ее имя со дна своей мутной памяти... Но промелькнули картины: звезды в ясном небе, горячий шепот на коже, всегда открытый Дом Собраний, страстные и спешные объятия, долгий поцелуй, за который не стыдно отдать и целый мир. Затем – обрывистый вскрик и страх в ее глазах. За четыре удара сердца она превратилась в ледяную скульптуру, жизнь навсегда потухла в ее зрачках.

Он вскинул голову, потому что уловил в унылом, монотонном шуме ветра какой-то низкий гул. Пригляделся. Пещера, густо занесенная снегом. Едва-едва виднелся черный шербатый провал входа. Юноша кивнул сам себе.

Туда он заберется, заползет подальше и умрет. От голода или когтей медведя, если тот выбрал эту пещеру как свою берлогу. Или просто от тоски. Может ли человек просто умереть от тоски? Наверное, да.

Потому что нет у него теперь права жить среди людей.

Камни под снегом нещадно исцарапали кожу на руках, но он не обращал на это внимания. Перед смертью о таком не

думаешь. Едва удалось продрасться через завал и ветер перестал реветь в лицо, как раздался требовательный властный голос. Даже более требовательный и властный, чем у вождя в его племени.

«Кто ты такой и как пробрался сюда, в мои владения?». Несколько долгих мгновений ему понадобилось, чтобы понять, что голос грохочет у него в голове, а не под сводами пещеры.

– Я пришел умирать, – с трудом разлепив слипшееся губы, просипел он, тщетно силясь увидеть собеседника в темноте. Но мрак надежно скрывал фигуру говорящего. – Мне нет места среди людей.

«В этом я могу тебе помочь». После этих слов на него обрушился морозный поток такой страшной неудержимой силы, что дыхание сперло, кости затрещали, а одежда превратилась в осколки и рассыпалась в труху. Такая же судьба постигла волосы по всему телу. Но его сердце все еще билось, причем с удвоенной силой. Сердце запело, словно ждало этого очень давно.

– Я всё еще жив, – заметил юноша удивленно, и его взгляд упал на пол пещеры, где он только сейчас заметил несколько обледенелых камней, удивительно похожих на человеческие черепа и грудные клетки.

«Вижу. Ты демон или полубог с Крайнего Севера, где варвары молятся на человекоподобные скалы? Говори, пока я не смял тебя в когтях».

– Нет, я... Не знаю. Моей матерью точно была женщина, а отца я никогда не видел. Может, он не был человеком... – голос его изменился, стал сильнее. – Почему я чувствую себя лучше после твоего ледяного дыхания? Я словно... заново научился дышать.

Темнота задвигалась, что-то большое поднялось с камней. Говорящий с ним вытянул белую чешуйчатую шею толщиной с туловище взрослого оленя – блеснули серебристые глаза с вертикальным зрачком – и шумно потянул воздух над гостем пещеры. Юноша заметил, что каждая перламутровая чешуйка была размером с его ладонь.

«В тебе есть густая капля крови Хладного бога, Муустымаа. Многие народы поклонялись и боялись его много зим назад в этих землях и дальше к Пустому морю. Каким-то чудом, спустя поколения, в тебе проявилась его сила, человек. По меньшей мере, часть её. Ты понимаешь, о чем я говорю?».

– Наверное, нет, впервые слышу это имя... Ты настоящий дракон? Или мое видение перед смертью? Может, у меня жар, безумие... Старейшины говорили, что белые драконы давно вымерли, «еще при дедах наших дедов».

«Не врал старейшины. Остался лишь я. Во время Битвы за долину я был самым молодым белым драконом, и когда Хладный бог пал, преданный младшими духами, но забравший с собой сотни жизней врагов, я был в самом хвосте Белой Армады. Моего всадника на лету убили колдуны, а я, к

сожалению, выжил. И сбежал».

Дракон замолчал. От усталости у юноши подкосились ноги, и он сел прямо на пол пещеры. Глаза начали слипаться.

– Если я умру во сне, похорони меня, дракон, а не ешь, хорошо? Сородичи говорили, что в моей крови «яд зимы».

«Это не яд, а дары Хладного. Спи, мальчик. Ты всколыхнул в моей душе давние мечты... Я подумаю, что могут сделать дальний потомок великого бога Севера и последний белый дракон. Как минимум, умереть ты всегда успеешь».

Юноша устало кивнул и позволил тяжелым векам сомкнуться.

Грунвальд дернулся и рывком сел в кровати. В ушах – гремучий стук крови. В сжатом кулаке – раскрытый складной нож. Липкий пот стекает по лицу и груди.

– Когда-нибудь, котик, ты откроешь эту железяку случайно и порежешься во сне, – сонно пробормотала девушка, потягиваясь в кровати. – К кому мне тогда ходить ночевать?

– Извини, что разбудил, Кармина, – ответил он звонким, дрожащим после кошмара голосом, стараясь унять дыхание.

Сон медленно покидал его сознание, оставляя горькое послевкусие. В ушах стихало далекое эхо криков.

– Ничего, мне всё равно уже пора уходить... – Она указала на слабый луч солнца, пробившийся через выдавшие виды серые шторы. – Опять приснилась та резня на границе?

Грунвальд кивнул и утер одеялом холодный пот. Сделал

медленный вдох и выдох. «Я должен помнить. Я должен». Когда сердце более-менее успокоилось, он взглянул на девушку. Та уже поднялась и томно потянулась. Простенькая белая ночнушка задралась, открывая гладкое атласное тело, холеную кожу.

– Страшно пить хочется, котик.

– Ты можешь и остаться. – Он протянул ей графин с водой, стоящий на столике.

– Я знаю, – ответила Кармина и сделала глоток. – Жаль ты больше не пьешь вина...

Она стянула через голову и сбросила ночнушку на одеяло, после чего лукаво посмотрела на мужчину, несколько не стесняясь своей наготы. В тёмных глазах азартно вспыхнули янтарные искры.

– Брось так смотреть на меня, ты же знаешь, что с тобой я по старой памяти. – Она взяла со стула одежду и принялась натягивать кожаную юбку. – Почти что благотворительность. За то, что я умею и на что согласна, котик, ты мне еще и доплачивать должен вообще-то. И немало.

Грунвальд кисло улыбнулся и тоже встал с тёплой кровати на холодный пол.

– Ну, с благотворительностью ты явно переборщила, Кармина... Кроме того, иногда тебе – после нового, не совсем благонадежного клиента – просто проще пойти ночью к знакомому человеку с моей репутацией. – Он со щелчком закрыл складной нож и убрал его под подушку. – Для безопас-

ности.

– Ну, да, есть такое... Значит, и вашим, и нашим, как говорится! А так тебе пора бы жениться, остепениться. Наемники долго не живут, вот как. Я вашего брата знаю... Мечтаете оставить ребенка на земле – а там, глядишь, и дом построится сам собой. Так?

– Я бы оставил, да ты велишь вынимать.

Кармина звонко хохотнула, задрав голову, затем потянулась за корсетом.

– Помоги-ка завязать сзади, котик.

– Как вообще в этом можно дышать... – Он затащил китовый ус. – Ребра, поди, болят всегда.

Кармина лишь повела плечами.

– Первое время болели, твоя правда. Как вспомню, так аж дрожь берет. Молодая была, жадная. А потом ничего... привыкла. Ты же кольчугу порой носишь сутками. Ну, носил... – Она тряхнула волосами. – Посмотри-ка. Не взлохмаченная? Когда ты уже накопишь на зеркало? Я видела у Бойла в лавке простые «полировки», без рамы, за семь сильдов. На стену повесить.

– А зачем мне зеркало? Чего я там не видел... Ничего, волосы в порядке. Растрепались чуток, но тебе так даже идёт. – Его взгляд скользнул за окно. – Тебе не надоела твоя работа? На улицах сейчас беспокойно, после войны всякой шушеры с оружием полные подворотни. Даже у нас, в Арканате. За сильду сердце вынут, за румо сожрут...

Девушка чуть нахмурилась, но тут же привычно прогнала тучу с красивого лица. «Ты мне никто и я тебе никто, два одиночества Синего Королевства просто помогают друг другу скоротать холодную ночь» – вот что прочитал Грунвальд перед сменой масок. Или ему показалось, что прочитал.

– Вот разбогатеешь, как эти толстосумы из Гильдии Торговцев, что берут меня на всю ночь просто чтобы покрасоваться... тогда и будешь задавать такие вопросы, котик. И купи все-таки зеркало, если хочешь, чтобы я к тебе приходила. – Она влезла в элегантные, хотя и потрепанные уже коричневые ботиночки на толстом каблуке. – Ну, увидимся. Не грусти.

Она чмокнула его в щеку и вышла прочь, прикрыв дверь. Едва Грунвальд натянул рубаху и собрался спуститься вниз, в таверну, перекусить и узнать о новых караванах или богатом торговце, ищущем телохранителя, в дверь требовательно забарабанили. И, судя по всему, не женской рукой. Грунвальд покосился на короткую дубинку, прикрепленную на гвоздях справа от косяка так, чтобы легко можно было вытащить и при необходимости пустить в ход, и подошел к двери. Сначала он молчал, прислушиваясь, стараясь уловить своим чутким ухом сдавленный шепот, гудение натянутой тетивы или модное нынче шипение подожженного фитиля.

– Кто?

– Городская стража. Грунвальд Иммо, бывший разведчик Восточного гарнизона, а ныне дешевый наемник, здесь жи-

вет? Открывайте, вы арестованы за блуд и тунеядство.

Грунвальд фыркнул и открыл.

– Ты мог бы быть и пооригинальнее, Кайл.

Высокий – на голову выше Грунвальда – светловолосый мужчина крепко пожал протянутую руку и вошел. На нем плотно сидела темно-синяя форма десятника городской стражи Арканата, на бедре в ножнах покоился короткий палаш.

– Так-так. – Он прошелся по комнате, скептически оглядываясь. – За сколько, говоришь, ты снимаешь эту, с позволения сказать, конуру у Слепого?

– Две сильды в седмицу. Часть трубы с общей залы проходит, поэтому зимой довольно тепло. И тут есть окно, через которое можно легко вылезти, если придет непрошенный гость. Как ты, например.

Блондин развел руками и сказал:

– Ну, пошел с козырей, чего уж тут, целое окно... Хотя, твоя правда, за такую плату сейчас не во всяком постоялом дворе в центре и на пару дней снимешь приличную комнату. Что ты сделал Слепому, а? Убил кого-то? Избавился от конкурентов? – Он почесал затылок. – В прошлом году, помнится, сгорела таверна «Штык» напротив. Популярное было место, а все сейчас к Слепому ходят. Интересное совпадение...

Грунвальд усмехнулся, налил воды в металлический таз и ополоснул лицо.

– Не, у тебя уже профессиональные шоры, десятник... На-

ши отцы вместе воевали, только его вернулся, пусть и с ранением, а мой старик остался в болотах лорпов гнить. Так что Слепой меня как племянника воспринимает или троюродного брата. А "Штык" сгорел именно потому, что это был кабак для всех - драка там была каждый день, неважно, танатень или День Упсалы.

— А, вот оно что... — Кайл плюхнулся на единственный табурет в комнате, тот скрипнул под его немалым весом. — Так, погода, я тут, кстати, по делу. А не чтобы сиротские слезы из тебя выжимать, понял?

Он полез в левый внутренний карман мундира и вынул узкую металлическую фляжку с символом столичной стражи — щитом на фоне синих стягов. Грунвальд обтерся полотенцем и с сомнением покосился на друга.

— Кайл, солнце только поднялось...

— Да погоди, я же не тебе предлагаю. — Приятель полез в правый карман. — Ага, вот же.

Он протянул Грунвальду вчетверо сложенный листок.

— У Гильдии приметил. Там частенько интересные объявления на столбе вешают с утра... — Пока товарищ изучал написанное, Кайл сделал короткий глоток из своей фляжки. — Я с ночной смены, не смотри на меня так. Это чтобы восстановить силы в теле и равновесие в душе. Это ты у нас не пьющий, как монах Светоча...

— Мда? А ты как выпивать начал после смен, раздобрел. Мундир едва сходится на животе, смотри. Вот та пуговица

держится из последних сил, честное слово.

– Чепуха! – возмутился Кайл. – Это мышцы и жилы, я же стражник, должен быть внушительным, как закон... Так чего там, ты в деле?

Грунвальд закончил читать и нахмурился.

– Этот вышедший в отставку полковник не понимает, что на его объявление контуженные ветераны всех возрастов слетятся как мухи? Дефицита в телохранителях сегодня нет, это я могу подтвердить... «Солдаты или бывшие солдаты возрастом до сорока пяти лет – не более трех боевых товарищей, рангом не ниже сержанта. Знание восточных районов Королевства. Обязателен боевой опыт, свое оружие и рекомендательное письмо»... Под это описание в нашем городе подходит не меньше сотни человек... – Он перевел взгляд с объявления на приятеля. – Постой-ка, зачем ты мне это показываешь?

Кайл закрутил крышку фляги и глухо откашлялся.

– Так это же прям для тебя, а? Присмотрись.

– Не гони лошадей, Кайл. Я не настолько нуждаюсь в деньгах.

– Оно и видно. – Он обвел комнату многозначительным взглядом. – Мои ребятки поспрашивали, говорят, ты нанимаешься в любые караваны, кроме рабовладельческих, а также телохранителем идешь даже к алхимикам. – Десятник сделал паузу, отряхивая несуществующие пылинки с мундира. – Я понимаю, что ты скучаешь по армии и всё такое, но

деньги есть деньги, Грун. С твоими доходами, старина, не то что семью не заведешь, но и на «черный день» не отложишь.

– Мне хватает, – угрюмо ответил Грунвальд и вернул ему листок.

Кайл повел могучими плечами и подошел к окну.

– Знаешь, о чём я думаю, когда вижу, что очередная кавалькада юнцов из Гильдии Героев скачет мимо меня на посту – прямиком к Восточным воротам?.. Я вспоминаю, когда-то мы с тобой мечтали о больших деньгах. А потом оба воевали – ты на гребаной «восточке» напирал на полуторники имперцев, а я на Севере задницу отмораживал да с вонючими дикарями бился в лесу... – Он сделал паузу, повернулся. – И я, наверное, единственный, кому ты рассказал, почему ты уволился тогда из армии. И почему не пьешь.

Грунвальд не ответил.

– Ты до сих пор винишь себя в том происшествии на границе... погоди, не перебивай. Да, и твоя вина в этом есть, это точно. – Он сделал паузу, вздохнул. – В том числе. Ваше начальство даже не удосужилось нанять вам хотя бы завалявшегося медиума или колдуна. Я тебе много раз говорил: если у того передового отряда имперцев был «вороненок», ты не знаешь, сумел бы чем-то помочь. Солдаты из их когорт «Воронов» это уже не люди, понял?

– Я мог бы попытаться! Выжила бы большая часть, мы бы дали отпор.

Кайл примирительно поднял руки.

– Так, старина, не начинай... Все равно бы все до одного погибли бы, просто унесли бы больше имперских жизней. Не наседай, я на твоей стороне, ты же знаешь. Что было, то было. Сейчас главное – брать удачу за хвост, войти в неё по призыву и довериться дороге, как говаривал мой безумный старик.

– Погоди, к чему это ты... – Брови Грунвальда поползли вверх. – Ты тоже хочешь наняться к этому полковнику!

Кайл просиял, хлопнул себя по карману с запиской.

– «Не более трех боевых товарищей». Это мы с тобой! Мы оба верой и правдой дослужились до сержантов и прошли, не потеряв руки и ноги, как минимум одну войну... Мне без тебя никак – написано ведь, что нужно знать восточные земли.

– Но зачем тебе это? У тебя достойная работа, стабильная зарплата, жилье. Кормят, опять-таки неплохо. – Он кивнул на живот Кайла.

Товарищ невесело хмыкнул.

– Моя работа заключается в том, чтобы не дать крысолодам вылезать из подземелий под городом, бандитам и сектантам – резать людей посреди бела дня, а тварям из квартала алхимиков рвать горожан лапами и зубами... И так седмицу за седмицей. Скукота. А жилье – отдельная койка в казарме младшего офицера. Но кормят как на убой, тут да... А еще мне не везет с девушками Арканата, ты же знаешь. Такие модные штучки не для меня. Деньги утекают как в прорубь.

В гладкую бритую, мать ее, прорубь. Мне нужна девушка из простой семьи. Чтобы остепениться.

– Брось, а Артина? Та, светленькая. Вроде серьезно всё было у вас.

Кайл убрал фляжку в карман.

– Светленькой была Онка, это пару месяцев назад, старина. А Артина – фигуристая, с родинками.

– Точно. Немудрено запутаться.

Кайл отмахнулся.

– Она в итоге выбрала сотника, дурёха. Коротышку Антония со словарным запасом в четыре с половиной слова. Он перед и зад лошади отличает только когда та скачет.

– Ну, у него отец в Торговом Совете.

– То-то и оно! Пойдем с этим полковником – это ведь и деньги, и возможность сделать себе громкое имя. Полковник, хоть и в отставке, имеет свои связи в высших военных кругах, насколько я слышал. Тебя могут принять обратно... А вдруг мы найдем клад! Что-нибудь со времен Десятилетней войны – говорят, до сих пор откапывают... Я уже не говорю о том, что эта наша последняя возможность, понял? Может, через два-три года мы уже постареем, у нас появятся семья, дети. – Он прокашлялся. – В смысле у тебя своя семья, у меня своя.

Грунвальд усмехнулся.

– Ты как всегда витаешь в облаках, Кайл.

– Ну, так я не разведчик, как ты. – Он стукнул себя в грудь

кулаком и встал по стойке. – Я сержант тяжелой панцирной пехоты, мне не нужно думать наперед. Четыре метра вперед и два слева и справа – вот куда я смотрю, дальше туман приказов...

– Для разведчика туман – самые ужасные условия, Кайл.

– Самое ужасное – это ленивый интендант и приступ поноса у кашевара. И ты это знаешь не хуже меня.

Грунвальд неопределенно повел плечами. Какое-то время они молчали.

– Соглашайся, старина, – протянул Кайл. – Один я не пойду, силенок не хватит уже в одиночку этого прыткого седого вояку охранять, а вдвоем веселее. Ты прикроешь меня, я – тебя. – Он кашлянул. – Как на баррикадах во время Заварушки, а? Когда за талоны буквально умирали. Глядишь, еще и девушек сельских каких-нибудь из беды спасем. Туда-сюда – и женаты, с приданым. Будем сидеть у камина, пить свежее пиво, хлебать харч и вспоминать этот день, когда я убедил тебя на эту авантюру.

– Как у тебя все легко получается, стоит только послушать... А как насчет того, что мне никто не сможет написать рекомендательное письмо? Караванщики-то таким не занимаются, постоянного клиента у меня нет.

Кайл весело хлопнул себя по колену, словно дело уже было решено.

– Пусть Слепой тебе и напишет! Мол, такой-то и такой-то работал вышибалой – не кривись, работа как работа в на-

ше-то время – в моем постоялом дворе столько-то месяцев, а потом ушел караваны охранять. И подпись. Он тебе напишет, ведь сам говоришь, почти что родственник, не сдаст... Всё, решено!

Грунвальд тяжело вздохнул.

– Когда он там ждет претендентов?

– К седьмому удару колокола. – Кайл широко улыбнулся, демонстрируя крупные желтоватые зубы. – У тебя есть время привести себя в порядок, поприседать, туда-сюда, а мне – поспать. Достань свою старую форму, старина, наведи лоску... И не кривись! Да, принципы и всё такое, но старикан явно оценит. Армия есть армия. Разведчик в любом походе – первое дело, понял?

– Куда он вообще собирается идти?

– А бес его знает. Куда-то на восток, полученные земли посетить, его ведь одарили после службы куском почвы где-то там. Не бойсь, до Империи точно топать не будем...

– Ладно, – махнул Грунвальд, – для начала посмотрим, что за человек.

На том и порешали.

Сотник Гвардии Его Величества Антхейм Варосс Третий застыл в дверях храма, стараясь не отводить взгляд от картины перед собой. Дюжину ударов сердца ему понадобилось, чтобы осознать, что же он видит помимо дымчатого мраморного пола, позолоченных образов светлых богов и цветных

фресок на стенах. Не мог Антхейм отвести глаза и от расколота — как и чем? — монументального алтаря из цельного куска белого камня у дальней стены. Глубокая темная трещина уходила, казалось, в самую глубь земли, куда не доходил свет сотен толстых свечей.

И как много красного повсюду...

Он часто видел кровь и смерть — но на поле боя или рыцарском турнире. А не в святом месте в той области государства, где ничего обычно не происходит. Со времен Жабьей войны с лорпами, в которой участвовал еще дед Антхейма, юг был далек от военной машины Синего Королевства, обращенной острием на Империю. Рыцарь вдохнул разом потяжелевший воздух. Грузно опершись о стену, он прикрыл глаза. Рядом не было подчиненных, и сотник мог позволить себе такую минутную слабость.

Даже если имперцы забрались так далеко... Храмы Свето-ча и Ливраса железноголовые обычно обходят стороной, даже если они на завоеванной территории. Не говоря уже о том, что у врагов так же крепка вера в Ливраса, бога доблести, воинов и рыцарей. Ни один имперец — при всех их недостатках — не посмел бы осквернить такой храм смертоубийством.

С другой стороны, рядом Урта, Пирамида-в-Пирамиде, где беловолосые издревле поклонялись луне и ночи, и недалеко стоят мрачные развалины Древнего Города, проклятого навсегда тысячу лет назад, но... Убийство в храме! И такое безжалостное.

– Помилуйте нас, Светлые боги, – прошептал он, ощущая кислую слюну во рту.

Когда они прибыли, Антхейм приказал сотне окружить храм по периметру. В свете ущербной мертвенно-бледной луны начищенные парадные доспехи подчиненных неуместно сверкали. Никогда сотник не подумал бы, что придется принять бой в непрактичных и громоздких ярких латах, кои использовались лишь два-три раза в год на смотре. Но у Светлых богов своя воля.

Антхейм вышел на свежий воздух, провел пятерней по лицу, словно бы надевая маску спокойствия, и подзвал ко входу пятерых приближенных ему десятников, которым безмерно доверял и с которыми плечом к плечу прошел две военные компании и служил наравне до прошлого месяца – своего назначения сотником: Утри Бугра, Магона Молчуна, Исантра Скорого, Гриму Зоркого и Армалана Деющего. Десятники быстро оказались рядом.

– Повезло тому бедолаге монаху, что смотр закончился так поздно, и мы проходили мимо, – пробормотал Грима, хмуро зыря на громаду храма единственным глазом. – Может, осквернители всё ещё внутри. Что они забыли в этом захолустном местечке на краю Королевства, командир?

– Если это дикари, то могли позариться и на позолоту образов, – предположил Утри меланхолично. – Пожертвования опять-таки и деньги прихожан.

– Рядом виноделельни Сатхуров, рядом с ними любой

храм "пустышка"...

– Монах говорил, что там всего один человек, – припомнил Исантр, поправляя священные ленты на доспехе. – Кто-то в чёрном. Колдун?

Антхейм покачал головой, вздохнул.

– Я заглянул внутрь, братья-по-духу... Не может один человек такое сотворить, вот что я вам скажу. Думаю, монах слегка тронулся головой, а там поработала минимум дюжина кровожадных мясников... Или кто похуже.

– Культ Ангулемы? От гноя в башке они совсем невменяемые, – вставил Грим. – Или сектанты Локаша, одурманенные «вспышкой».

– Может такое случиться, это был не человек... а чудовище? – произнес Утри негромко. – Из-за них крови всегда много повсюду. И люди гибнут десятками.

– Например, оборотень, – сглотнул Исантр, стрельнув глазами по сторонам.

Сотник кивнул. Этого он боялся, едва взглянул на тела: где один оборотень, там стая. Одиночки редки, если только это не ведмед из Красного леса.

– Во имя Ливраса, мы будем сегодня и судьи, и палачи. И да падут в грязь наши враги из мира тьмы, – сказал старую формулу набожный Армалан, подняв к небу двуручный меч, украшенный серебряной вязью. Священные ленты засверкали, едва он произнес короткую молитву.

– Да будет так, братья. – Антхейм сделал паузу и вытянул

оружие из ножен. – За нами Правда и Закон...

– И победа будет за нами, – закончили братья-по-духу решительно и последовали за Антхеймом в храм.

Едва они оказались под крышей священного места, Грима выругался на катарейском, Армалан и бледный Исантр сделали ограждающие зло знаки, Утри скрючился, и его шумно вырвало на пол. Молчаливый Магон, не дрогнув, наложил на тетиву стрелу, поднял лук и всмотрелся в темноту у образов на противоположной стене.

– Давно я не видел такого зверства, – обронил едва слышно Грима. – Посмотри на ту стену, командир, там как будто люди взорвались изнутри, а это что, кишки на люстре?.. Мать моя прачка, а что с алтарем?

– Расколот. Будто изнутри что-то пробилось. Из-под земли.

– Пусто, – бросил зоркий лучник сотнику. – Никого не вижу.

– Утри, приведи себя в порядок, – скомандовал Антхейм. – Не забывайте, мы в храме... Исантр, Грима – вдоль правой стены, Армалан, Утри – по левой. Магон за мной по центру. Атаковать без команды. Пахнет засадой.

– И магией, – добавил Армалан коротко.

Солдаты привычно исполнили приказ, направившись вперед. Парадные доспехи предательски позвякивали от движений. Воины старались не смотреть на трупы прихожан и монахов, без порядка лежащие по полу и скамьях для молитв.

Влажно блестела кровь. Некоторые образы и фрески были окроплены красным, отчего казались посвящены далеко не Светлым богам.

– У тебя железные нервы, Молчун, – прошептал офицер едва слышно, осторожно перешагивая через мертвого служителя храма, мальчика лет двенадцати. – Лицо как камень.

Десятник повел плечами, на его лице ничего не отразилось. Шаг.

– Это просто трупы, командир. Важнее не упустить из виду того, кто это сделал. И может повторить это с нами.

Еще один шаг, осторожнее.

– Верно... Ты думаешь, они во внутренних помещениях для служителей или уже покинули храм?

– Сложно сказать. Если это были люди, то ушли. А если не человек... то может быть здесь. – Он аккуратно перевернул носком ботинка чье-то тело и внимательно всмотрелся в раны. – Не похоже на клинок.

– Думаешь, все-таки оборотень? Или одержимый?

Магон открыл рот, чтобы ответить, когда по всему храму разнесся чужой голос.

– Вы говорите на языке на'тиксов, что был популярен у военных офицеров Мазулы, ушедших с Патриком на север. Кто из вас может ответить на мои вопросы?

Стрела мгновенно полетела в темноту под образами, откуда донесся голос. Магон без промедления выхватил вторую и замер. Десятники справа и слева бросились к цели, не

теряя времени. Антхейм весь превратился в слух.

– Я подумал было, что на вас рыцарские одежды и вы поборники чести, – прозвучало неожиданно совсем из другого места, из глубокой ниши под фреской справа. – Возможно, даже на службе какого-то местного короля или лорда... Видимо, я ошибся, и вы просто разбойники, закованные в украденный металл. Настоящие рыцари, насколько я знаю, не атакуют, не представившись, словно вероломные убийцы в ночи.

– Я попал, – одними губами произнес Магон.

– Выйди на свет, если ты человек! – крикнул Антхейм, чувствуя одновременно гнев и смущение: незнакомец, кто бы он ни был, говорил правду. Если врагом был человек, они должны были представиться. От этого краска прилила к лицу Антхейма. Сотник жестом остановил Магона, готового вновь выстрелить. – У тебя перед нами преимущество. Ты видишь нас, а мы тебя – нет...

К его удивлению, собеседник вышел под бледные лучи луны и желтый мягкий свет свечей. Это оказался невысокий хрупкий на вид юноша в скромных чёрных одеждах, струящихся до пола. У него были коротко стриженные тёмные волосы и тонкие черты лица. Офицер подумал, что он похож на мага-неофита или ученика алхимика, и напрягся. По краям рукавов и на воротнике одиночки были тонко вышиты золотые символы. Антхейм не знал, что означали данные знаки, но на всякий случай запомнил их получше.

Из груди у юноши торчала стрела Магона. Визави словно бы не замечал её.

– Ни шагу дальше! – крикнул Антхейм.

Юноша развернулся к нему. Сотнику показалось, что тени от врага легли на пол как-то неправильно, в три стороны. Но это он отметил холодным умом, а сердце и чутье воина подсказывали ему: бежать! Бежать без оглядки и сбросить доспех. Бежать, пока не начнут гореть легкие. Спрятаться за стенами какого-нибудь города, укрыться, затаиться, молиться всем богам... Казалось, словно аура силы растекается от этого чужака, как холодная черная река. Сама темнота ночи льнет к нему, обтекает фигуру. «Объятья тьмы», – вдруг пришла в голову сотнику строка из детской песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.